

Афанасьев Александр Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета

УДК: 009:168.522

ПАРАДИГМЫ ГУМАНИТАРИСТИКИ: ВЫТЕСНЕНИЕ ИЛИ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?

Выделяются специфические особенности парадигм гуманитарного знания, сравниваются парадигмы естественных и гуманитарных наук, обосновывается возможность научных и вненаучных парадигм в гуманитаристике. Вопреки идее Т. Куна о борьбе и вытеснении парадигм, утверждается возможность их сосуществования в культуре и науке.

Ключевые слова: парадигма, гуманитаристика, естествознание, наука, парадигмы гуманитарных наук, сосуществование парадигм.

ПАРАДИГМИ ГУМАНІТАРИСТИКИ: ВИТІСНЕННЯ АБО СПІВІСНУВАННЯ?

Виділяються специфічні особливості парадигм гуманітарного знання, порівнюються парадигми природничих і гуманітарних наук, обґрунтовується можливість наукових і позанаукових парадигм в гуманітаристиці. Всупереч ідеї Т. Куна про боротьбу і витіснення парадигм, стверджується можливість їх співіснування в культурі та науці.

Ключові слова: парадигма, гуманітаристика, природознавство, наука, парадигми гуманітарних наук, співіснування парадигм.

PARADIGM HUMANITIES: DISPLACEMENT OR COEXISTENCE?

The specific features of the paradigms of human knowledge are highlighted, the paradigms of natural sciences and humanities are compared. The possibility of scientific and non-scientific paradigms in the humanitaristics is grounded. Contrary to Kuhn's idea of struggle and exclusion of paradigm, the possibility of their coexistence in culture and science.

Key words: paradigm, humanitaristics, natural sciences, science, paradigm of science of humanities, the coexistence of paradigms.

Термин «парадигма» широко используется в литературе, посвященной анализу структуры науки, ее истории, и особенно в тех случаях, когда речь идет о моделях эволюции науки. Чаще всего он соотносится с естественнонаучным знанием, откуда экстраполируется на науку вообще. В период, когда математические и формально-логические методы давали хороший эффект в построении физических теорий, последние заслужили право считаться образцами, которые успешно и безуспешно пробовали применять в самых разных отраслях науки. Дальнейшая эволюция естествознания, в частности, переход его в постнеклассическую стадию, бурное развитие гуманитарных наук, особенно лингвистический и нарратологический бум, поставили перед методологией науки множество вопросов о новых лидирующих дисциплинах и о их парадигмах. Подтверждение некоторыми разделами гуманитарного знания своего подлинно научного статуса инициирует размышления о правомерности гуманитарно-научных парадигм [11]. Обсуждаются даже особенности парадигмальных оснований гуманитарного познания вообще и возможность или невозможность их общенаучного статуса [13]. Повсеместное применение термина «парадигма» обусловило вопросы о его терминологической значимости, точности определения, адекватности применения сопутствующих терминов к тому феномену, который именуется парадигмой, способах исследования парадигмы [3]. Складывается впечатление, что феномен парадигмы обнаруживается во всех сферах человеческой деятельности: мыслительной и практической, научной и культурной. Если это так, то неизбежна проблема сосуществования парадигм как в различных познавательных и деятельностных нишах, так и внутри них. Обсуждение данной проблемы и является целью статьи.

Т. Кун придал понятию парадигмы четко выраженный методологический характер [9, с. 28], и оно одно время использовалось преимущественно в методологической литературе,

причем посвященной в большей степени естествознанию и господствовавшим там теориям. Однако, даже в физике парадигма – это не только теории, методы и чисто научные стандарты, хотя они и являются определяющими, но и некоторая картина мира, философские установки, мировоззренческие ценностные ориентиры и т. д. Уже это дает основания использовать понятие парадигмы за пределами естествознания и даже за пределами науки, например в теологии. Скажем, томистская идея гармонии веры и разума и формула Тертуллиана «верую, ибо абсурдно» могут рассматриваться как две противоположные парадигмы. Повсеместное распространение термина «парадигма» обусловило многочисленные исследования парадигмальных феноменов и поставило вопрос о создании теории парадигмы [16].

Термин «парадигма» оказался настолько удачным, что получил широкое применение не только в научной, но и в учебной, публицистической и даже художественной литературе, особенно с середины 70-х годов XX века и, прежде всего, в тех случаях, когда соответствующий текст претендовал на научность или хотя бы на профессиональную адекватность. Это понятие в различных вариациях используется в лингвистике, где языковой парадигмой считается система смыслов, обнаруживаемая в языковых единицах [6, с.15], в литературоведении, где парадигмой выступает структура художественного языка в конкретную эпоху, а «парадигмальные тексты» выполняют функцию культурной целостности [17], в искусствоведении как культурная или стилевая парадигма, подразумевающая синхронное единство культуры или единый стиль в искусстве, которые определяют различные стороны социокультурной жизни [5], в истории и политологии как совокупность смысложизненных ориентиров в конкретную историческую эпоху [12], а в исторических исследованиях как набор философских подходов, ориентирующих историка [8]. Получается, что парадигмой можно назвать и осознанный образец применения метода, и неосознанный механизм унификации в культуре как образец решения практических и интеллектуальных проблем, и модель поведения, транслируемая в нарративной форме в виде мифа или притчи, и просто некий способ рассуждения, и недостижимый образец, шедевр в искусстве, и некая служебная инструкция, и определенная мыслительная установка. Особенностью таких парадигм является сочетание формализованных, описанных правил деятельности и неформализованных, неосознанных или осознанных, но неписанных правил.

Очевидно, что термин «парадигма» здесь именуется как минимум две группы феноменов. Во-первых – реально существующую интересубъективную систему образцов, идеалов и норм, направляющую деятельность социальных и профессиональных групп и индивидов. Ее можно называть культурной парадигмой. Во-вторых – субъективную систему образцов, идеалов и норм, определяющую индивидуальное исследовательское или художественное творчество, что допускает разделение на исследовательские, научные, парадигмы и парадигмы творчества, где тоже может наличествовать своеобразное исследование, отличное, впрочем, от научного. Приобретая сторонников, они становятся интересубъективными в рамках данного сообщества ученых, литераторов и пр. Индивидуальные парадигмы могут как совпадать, так и не совпадать с интересубъективными. В этом смысле культурные парадигмы определяют поведение людей, например их бытовое приспособление к факту существования чинов и их приобретения (как было, к примеру, в царской России), а также соответствующие оценки, например, почитание мундиров, чинов, государственных должностей и наград (что стало одной из центральных тем в российской дореволюционной литературе). В реальной жизни эти культурные парадигмы обычно не анализируются, не осмысливаются. Поэтому их нравственная оценка не составляет до поры, до времени проблемы, пока они не будут осмыслены в литературе или искусстве, которые создадут соответствующие парадигмы чиновничества или чиновопочитания. Их, в свою очередь будут анализировать теория литературы или искусствоведение сквозь собственные парадигмы [2, с.157-190].

Рассматривая естественнонаучные парадигмы, легко заметить, как они определяют индивидуальное творчество ученых. Примерами могут служить парадигмы классической механики, квантовой механики и др. Не случайно парадигмы связывают с соответствующими

научными сообществами, группирующимися вокруг определенных парадигм. Поэтому, даже зная имена основоположников, мы не рискуем назвать их парадигмы индивидуальными. Ньютоновская или птолемеевская парадигмы не предполагают, что их разрабатывали и ими пользовались исключительно Ньютон и Птолемей. В искусстве и литературе, как и в науках о них, дело обстоит так же и в то же время иначе. С одной стороны, там тоже обнаруживаются школы и направления, группирующиеся вокруг основных идей, методов, лидеров. Здесь напрашивается аналогия с естественнонаучными парадигмами и научными сообществами. Можно упомянуть немецких романтиков, парадигма которых предполагала, что в сознании художника рационально оформленная идея реализуется в соответствующем поэтическом или живописном образе. Показательным является деятельность русских символистов, у которых при всем их своеобразии, отсутствии единого стиля и единой концепции, все же четко просматривается общее парадигмальное основание творчества – стремление выразиться аллегориями и символами: «мысль изреченная есть ложь». Но, с другой стороны, огромное значение приобретают индивидуальные парадигмы, которые не всегда четко фиксируются самими их носителями, а тем более читателями или зрителями. Обнаружение подобных парадигм учеными-гуманитариями сродни естественнонаучному открытию. Ю. Лотман показывает, как выработанная А. С. Пушкиным парадигма историко-культурного процесса определяла его творческие замыслы и их воплощение в стихах и прозе [10]. При этом сам Лотман принадлежал к Тартуско-московской семиотической школе как научному сообществу со своей исследовательской парадигмой. Существенно, однако, что как парадигмы творческой работы литераторов, так и парадигмы ученых, исследователей их творчества, не являются столь общезначимыми как в естествознании.

Функционирование в культуре большого количества парадигм ставит вопрос об их сосуществовании, в том числе, соизмеримости, взаимовлиянии, совместимости, преобладании, борьбе, вытеснении, дроблении, объединении и т.п. Сосуществование парадигм обуславливает их разнообразное влияние, выходящее за пределы той области знания и деятельности, где парадигма сформировалась. Можно предположить наличие культурного механизма, переносящего парадигмы из одной сферы в другую. Иначе многие открытия выглядят как чудо. Так иногда чудесным описывают изобретение фотографии, которая получилась из якобы случайного совмещения знаний о химических реактивах со знанием камеры-обскура. Однако, как отмечает Р. Архейм, к такому совмещению человечество было готово столетиями раньше. Но фотография появилась тогда, когда она смогла стать помощником в развитии реалистической парадигмы в искусстве, привнеся характерное чисто механическое навязывание проективного образа физического мира [1, с.145].

Парадигмы можно различать по степени общности и, соответственно, преобладания, в зависимости, например, от характера интеллектуальной или практической деятельности. Общая мифологическая оценка древними греками упорядоченности мира, государства, семьи по существу являлась парадигмой космоса-порядка, установленного олимпийскими богами, которые победили титанов, олицетворявших хаос. Если представления древних о космосе являются проекцией человеческого порядка на мир, то нельзя ли их считать первой гуманитарной парадигмой, с которой соотносились все представления о порядке, гармонии, красоте? Последнее, между прочим, показывает, почему круговое движение планет и светил именно по совершенному кругу казалось таким убедительным? Ведь не случайно Аристотель выстроил 56 круговых орбит вокруг неподвижной Земли, объяснявших даже «петли» звезд. Поэтому неудивительно, что даже Тихо Браге спустя две тысячи лет отстаивал этот небесный порядок, предположив вращение планет вокруг Солнца, а его – вокруг неподвижной Земли.

Возможно, поэтому в Древней Греции техника (*techne*) была связана не только с ремесленным мастерством, но и с высоким искусством. И ремесленное, и художественное произведение считались продуктами *techne*. Здесь можно усмотреть влияние той же парадигмы космической гармонии, которое продолжается и в период Ренессанса, хотя средневековое христианство переставило многие акценты. Разумеется, это была не

единственная парадигма культурной деятельности, но тяга к упорядоченной универсализации преобладала, несмотря на специализацию видов деятельности и умножение их образцов. У Леонардо да Винчи живописное полотно и техническое изобретение были однопорядковыми вещами. Лишь начиная с Галилея, постепенно преодолевается универсализм Возрождения и прежняя общекультурная парадигма. Философия, наука, искусство, техника обретают собственные ниши с собственными парадигмами. Рецидивы парадигмы «*techne*» проявляются до сих пор: когда мы термином «техника» характеризуем высокий уровень мастерства живописца, музыканта, футболиста, лектора, ученого и других представителей творческих профессий. Специализация науки также вызвала к жизни разные специализированные научные парадигмы наряду с общими естественнонаучными. По-видимому, их можно классифицировать в соответствии с классификацией наук: и в естествознании, и в гуманитаристике.

Парадигмы, работающие в различных сферах гуманитарного творчества – философии, литературе, искусстве, а также в гуманитарных науках – социологии, культурологии, истории, литературоведении – так или иначе воспроизводят специфику своих сфер. Во-первых, они задевают не только научные, но и сословные, классовые, национальные интересы, что обеспечивает государственную, идеологическую или иную поддержку соответствующих парадигм. Во-вторых, гуманитарные науки намного более разнородны по множеству признаков по сравнению с естествознанием, что обуславливает наличие множества парадигм. В-третьих, принципиально невозможно в одной теории охватить все разнообразие культурной жизни, поэтому парадигма, в рамках которой изучается культурная деятельность, не может быть одна. В-четвертых, гуманитарные теории, особенно с качественными подходами, не так логически строги, как естественнонаучные и часто включают в себя не просто философские идеи или философское обоснование, а конкретные философские концепции, как, например, марксизм в исторических или экономических теориях или фрейдизм в литературоведении. То есть, философский компонент выступает не просто предпосылочным знанием, как в естествознании, но часто является содержательным, а то и определяющим все теоретическое построение. Так строятся многие литературоведческие теории. В исторических науках парадигмально-теоретическую роль выполняют различные концепции философии истории. В-пятых, объект гуманитарного, в особенности социогуманитарного, знания довольно быстро меняется, и смена теорий и, соответственно, парадигм должна поспевать за ним. В-шестых, исследовательская деятельность в гуманитаристике часто ориентируется в первую очередь на оригинальность, непохожесть, а не просто на новизну как обычное научное знание, на обнаружение таких «белых пятен», которые подсказывает не «работающая», известная, теория, а новая идея, взятая нередко из иной дисциплины, чаще всего из философии. Поэтому установка на творческую оригинальность порой преобладает над фундаментальностью разработки конкретного вопроса. Напротив, исследовательская деятельность в естествознании чаще всего ориентируется, особенно, в период «нормальной науки», на образцы успешного решения проблем и сами проблемы обычно обнаруживаются и формулируются в рамках соответствующих парадигм. Поэтому из теории, выступающей парадигмой, стараются «выжать» все возможное, а иные, оригинальные подходы не приветствуются, ибо выглядят поспешными, поверхностными или не вполне «грамотными». Этот фактор создает впечатление большей основательности, фундаментальности работы ученого-естественника. Такой фундаментальностью отличались физики Л. И. Мандельштам, Л. Д. Ландау, И. Е. Тамм [7, с.19], Э. Ферми. Ферми, например, обладая и оригинальностью, и чутьем нового, весьма критично относился к стремлению некоторых физиков найти нечто сверхновое, не исчерпав всех возможностей в рамках существующих представлений. Именно его фундаментальность требовала взять от теории максимум, прежде чем перейти к новой [14, с.43].

В употреблении термина «гуманитарные парадигмы» можно обнаружить четыре основных смысла. Во-первых, этот термин применяется к парадигмам деятельности в области культуры. Человек, не умея жить в природе, переделывает ее, создавая культурную

среду своего обитания. Одним из механизмов культурной деятельности являются парадигмы как образцы культурного творчества. Они изучаются, скажем, культурологией как гуманитарной дисциплиной, из-за чего считаются гуманитарными парадигмами. Подобной культурной парадигмой в принципе может быть рассмотрена и естественнонаучная парадигма. Поэтому называть все культурные парадигмы гуманитарными, возможно, верно по существу, но бессмысленно терминологически, ибо теряется актуальная проблема соотношения гуманитарных и естественнонаучных парадигм как внутринаучных образований. Во-вторых, гуманитарными парадигмами называют парадигмы высокого творчества в области искусства и литературы. Применение термина вполне оправдано, но с оговорками, ведь исследование, познание, приобретение знания не является главной задачей литературы и искусства. В-третьих, применительно к технической практической и научной деятельности, а также к естественнонаучному исследованию выдвигается требование человекообразности, и прежде всего учета возможных рисков и опасностей для человечества. Подобные гуманистические аксиологические императивы также называют гуманитарными парадигмами, но это не есть собственно парадигмы гуманитарных наук или вообще исследовательской деятельности. В-четвертых, парадигмы научной исследовательской деятельности в сфере духа, в отличие от исследований природных объектов, к которым принадлежит и человек как природный объект, являются парадигмами гуманитарных наук и в этом контексте гуманитарными парадигмами. Сказанное относится и к исследованию естественнонаучных текстов и самого естественнонаучного мышления. Поэтому, если ученый-естественник рефлексировать по поводу своей мыслительной деятельности и своей науки, то он вступает в сферу гуманитарного познания («переходит этажом выше») и должен включаться в существующие гуманитарные парадигмы или создавать новые. Не случайно методологию науки причисляют к гуманитарным дисциплинам, хотя она создавалась не только гуманитариями. Это относится и к истории науки, и другим дисциплинам, изучающим науку.

По-видимому, парадигмальное разнообразие следует считать не недостатком, а достоинством, как науки, так и вообще культуры, разумеется, при соответствующем смысловом различии. Указанное разнообразие требует дополнительных описаний. Шведский социолог Т. Бранте замечает: «Наука об обществе отличается от естественной науки тем, что обычно она полипарадигматична, т. е. в ней сосуществуют несколько конкурирующих традиций, которые поддерживают соответствующие группы или школы» [4, с.431].

Таким образом, можно констатировать, что в культуре наличествует большое количество парадигм, различающихся и уровнем, и сферой функционирования. Несовместимость парадигм, вытесняющих друг друга, характерна для классического естествознания, основанного на жестких канонах научности, и не является общекультурной нормой. Парадигмы, в основном, имеют собственные культурные и познавательные ниши.

Модель сосуществования парадигм в культуре, в частности в гуманитарных дисциплинах, является обобщением наблюдаемых там процессов. Поэтому она лучше соответствует реальной истории культуры, но существенно уступает куновской модели в объяснительных интенциях. Ведь модель Куна хорошо описывает и объясняет характер и причины научных революций и относительно спокойных периодов и демонстрирует собственно эволюцию науки. Модель сосуществования парадигм этого не дает. Очевидно, что теория парадигм далека от своего завершения. Очевидно также, что без анализа парадигм в гуманитарной сфере создание такой теории невозможно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. — М.: Прометей, 1994. — 352 с.
2. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: монография. — Одесса: Бахва, 2013. — 288 с.

© Гансова Емма Августівна

3. Богатая Л. Н. Размышления о парадигме и способах ее определения // Научный вестник Чернивецкого университета: Сборник наук. работ. – Вып. 663-664. Философия. — 2013. — С. 3-9.
4. Бранте Т. Теоретические традиции социологии // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. — СПб.: Нотабене, 1992. — С. 415-444.
5. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. — М.: Политиздат, 1991. — С. 268-272.
6. Воробьев В. В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. — М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1994. — 162с.
7. Гинзбург В. Л. Новые физические законы в астрономии. — Вопросы философии. — 1972. — № 11. — С. 14-79.
8. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. — 1988. — №1. — С.56-70.
9. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977. — 301 с.
10. Лотман Ю. М. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Лотман Ю. М. Пушкин: Статьи и исследования. — СПб: Искусство-СПб, 1999. — С. 293-299.
11. Марчук М. Г. Витоки сучасної гуманітарно-наукової парадигми // Філософія гуманітарного знання: раціональність і духовність. — Чернівці: Рута, 2008. — С. 167-180.
12. Неретина С. С. Смена исторических парадигм в СССР. 20-е – 30-е годы // Наука и власть. — М.: Политиздат, 1990. — С.154-186.
13. Петрушенко В. Л. Гуманітарне пізнання: сучасний статус та парадигмальні зміщення // Научный вестник Чернивецкого университета: Сборник наук. работ. — Вып. 663-664. Философия. — Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2013. — С. 10-18.
14. Понтекорво Б. М., Покровский В. Н. Энрико Ферми в воспоминаниях учеников и друзей. — М.: Наука, 1972. — 160 с.
15. Руденко Д. И. Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры // Философия языка: в границах и вне границ. — Т.1. — Харьков: Око, 1993. — С. 112-124.
16. Севостьянова М. «Белые пятна» теории парадигм // Філософські пошуки. — Вып. XXVII. — Львів-Одеса: Cogito — Центр Європи, 2008. — С.146-155.
17. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — 574 с.

Гансова Емма Августівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК: 101+370.5

УКРАЇНЬСЬКА КЛАСИЧНА СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ ЯК СКЛАДОВА ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ФІЛОСОФСЬКОЇ ДУМКИ

Стаття присвячена дослідженню української соціальної філософії XIX століття, яка є частиною європейської соціальної філософії цього періоду. Представники української філософії, з однієї сторони, втілюють у своїх роботах пануючі на той час у Європі парадигми, з іншої сторони, вносять немало цінних, власних ідей, що породжені національними культурними, соціально-психологічними особливостями українського суспільства.

Ключові слова: соціальна філософія, закони суспільства, пізнання.